

Венета Янкова

Фольклор и культурная безопасность

Przegląd Naukowo-Metodyczny. Edukacja dla Bezpieczeństwa nr 3, 45-53

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

ФОЛЬКЛОР И КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

С времён своего появления во второй половине 80-ых годов 20-ого века, феномен „глобализация” и обозначающий его термин, переходят через этапы конкретизации, уточнения и расширения. Созданный для дефинирования ускоряющегося технического прогресса и связанных с ним информационных технологий, он ориентирован на означение различных аспектов характеристики мира на границе тысячелетий: экономического, финансового, политического, демографического и т. д. Не смотря на противоречий в оценках теоретических и практических подходов, сегодня феномен „глобализация” является объектом обстоятельного анализа гуманитарного познания и социальноориентированных наук (антропология, этнология, фольклористика), которые артикулируют его амбивалентную природу.

Не менее противоречивым оказывается и понятие „безопасность” (security), которое издавна выходит за рамки своего первоначального милитаристического обхвата и расширяется в направление гуманитарных и глобальных измерений.¹ Так например еще в 1932-ом году исследователь Шмидт (Schmitt), определяя общественного неприятеля/врага (public enemy) отмечает, что это Другой, Чужой: „The public enemy... He is nevertheless the Other (Andere), the stranger.”² и таким способом ориентирует на всё более и более расширяющуюся антропологическую перспективу интерпретации понятия. Надо подчеркнуть, что в начале 21-ого века безопасность и её проявления связываются всё категоричнее с концептом „идентичность” (identity), так как и с необходимостью „культуры безопасности”.³

Польские теоретики указывают на следующие измерения понятия „безопасности”: политическое, экономическое, социальное, военное, экологическое.⁴ Здесь прежде всего нас интересует социальный аспект безопасности, который проявляется в отношении проблем сохранения национальной идентичности (языка, культуры, религии), а также сопутствующих им национализма и этнических напряжений. Важно, что социальный аспект безопасности касается не только отсутствия угроз сознанию человека, общности, группы, но и - прежде всего, возможности его реализации. Важность социального измерения проявляется и в том, что

¹ Krause – Williams 1996; Pasic 1998; McSweeney 1999; Рыбалкин 2003

² По: Neumann 1992; Pasic 1998

³ Cha 2000; Безопасность... 2004; Современные представления о социальных, политических, культурных и экономических аспектах безопасности в условиях нового мирового порядка разработаны в текстах: Н. Лумана, М. Дугласа, Э. Гидденса, Э. Валлерстайна, М. Кастельса и др.

⁴ Kukulka 1982

например проблемы национальных меньшинств являются одновременно и внутригосударственными, и межгосударственными, т. е. они затрагивают традиционные аспекты безопасности.

Нужно подчеркнуть также, что содержание явления безопасности определяют ценности. Например Ю. Кукулка в своей классификации перечисляет, наряду с существованием государства, его территориальной целостностью и политической независимостью, благосостояние отдельных людей и выживание народа – не только физическое, но и культурное.⁵ Глобализация усиливает мобильность людей и активизирует процессы обмена культурных продуктов. По мнению некоторых исследователей это навязывает несвойственные ценности и чужие культурные модели, они говорят об „экспансии чужеродной культуры” (В. Келле). Иными словами, идентичность (национальная, этническая, общостная и т. д.) находится в ситуации кризиса. Вот поэтому, формулируются и основные тезисы этого изложения:

- ✚ Фольклорная культура как условие и аспект культурной безопасности в глобальном мире;
- ✚ Фольклорная культура – необходимость защиты и сохранения.

Но с начала остановимся на взгляд на дихотомию Безопасность-Опасность в архаических и в традиционных культурах, реликты которой сохраняются и в эпохе постмодерна.

А. Концепты Безопасность – Опасность в традиционных культурах

В человеческом осмыслении феномены Опасности и Безопасности являются однопорядковыми и надо рассматривать их в дихотомическом единстве.⁶ Первые знания о безопасности проявляются в мифологических и религиозных представлениях, они сохраняются и передаются через мифы, обряды, ритуалы. Миф и его циклическое воспроизведение в обряде повторяет акт первотворения и превращает изначальный Хаос в Космос/Гармонию. В архаических и в традиционных культурах Безопасность-Опасность это бинарная оппозиция и культурная универсалия, которая соотносима с оппозициями „Гармония – Хаос”, „Свой – Чужой”, „Сакральный – Профанный”. Иными словами, представления об Опасности соотносятся с семантической линией „Хаос – Чужое – Профаное”, а с другой стороны представления о Безопасности – с линией „Гармония – Своё – Священное.” Так например родной дом воспринимается как центр Своего, микрокосмоса и является знаком гармонического слияния с общностью и с собой. Буквальное выражение этого представления находим в песенном и в легендарном мотиве „безопасность в сакральном пространстве церкви во время вражеских нападений”, а в болгарской фольклорной песне урбоним „Цариград” отмечает пространство далекости, чужого, опасности и сил зла.

⁵ Kukulka 1994

⁶ Рыбалкин 2003; Cameron – McCormick 1954; Ширяев 2009

Защита и безопасность общности и индивида регламентируются с помощью норм устного обычного права и ряд апотропейных (охранительных) и обрядовых практик. Припомним, что в своём классическом исследовании американский антрополог Мери Дуглас анализирует концепт Опасность и его отношение к категориям „чистота” и „табу”.⁷ Для существования и благоденствия традиционной общности важную роль выполняют т. наз. „*обряды перехода*” (rite de passage – Van Genep) – они относятся к календарно-хозяйственному годовому циклу и воспроизводят борьбу между силами Хаоса и Космоса. Такие широко распространённые по целой Евразии языческие игры в масках во время перехода с зимы к весне – балканские кукеры, венгерские бушо. В народном христианском календаре весь период с Рождества Христова до Крещения, т. наз. „погани/поганые дни” – это время опасности, тогда господствуют силы зла и действуют запреты. Обрядовые действия и благопожелания посланников мира предков и мёртвых стремятся подредить и гармонизировать снова мир и перевернуть его в Космос. Высокую частотность обрядовых действий и употребление амулетов находим и в обрядах перехода жизненного цикла (беременность – роды – смерть). Отметим только: оберегательные практики от сглаза; защитную роль имени ребенка; евфемистические названия болезней в апокрифических молитвах и заговорах/заклинаниях („сладки и медени”); действия против становления вампиром в погребальных обрядах, находящих убедительную археологическую аргументацию и пр.

В архаических представлениях важное значение для организации пространства играет категория *Границы*. Граничность – не только пространственная, но и культурная, мифическая и социальная категория; она указывает на линию между миром живых и миром мертвых, между своим и чужим пространством, между различными социальными статусами человека. Обрядовый комплекс разрешает временное пересечение этих границ. Например во время инициации (посвящения) молодого человека с целью приобретения нового социального статуса осуществляется связь с другим миром, с предками и связывается с временной смертью индивида. Но этот лиминальный (граничный) статус индивида превращает его в потенциальную опасность для целого коллектива. Припомним, что в вышеуказанном семантическом порядке порог дома – является границей между Своим и Чужом, под ним живет покровитель дома („стопан”), но его пересечение и переход изнутри наружу – неизбежно связывается с угрозой и с опасностями для живущих в нем.

В архаической и в традиционной культурах *Другой/ Другость* (Other/ Otherness) – естественная оппозиция в дихотомии Свое-Чужое, на основе которой создается представление об идентичности – скорее воспринимается как опасность. Здесь надо подчеркнуть зарегистрированное в практике сознание о дифференциации представления Другости: знакомый, различный, необходимый Другой так как и – чужой и враждебный Другой. В этом

⁷ Дъглас 2005

отношении показательные примеры из жизни смешанных в этноконфессиональном отношении районов на Балканах и на Кавказе, где выработались и поддерживаются ценностные и поведенческие стратегии для преодоления конфликтов на этно-религиозной основе.

Обобщая скажем, что для традиционной общности опасность ожидается прежде всего среди проявлениях Чужого, а Чужой (точнее этноконфессиональный чужой!) воспринимается как источник потенциальной опасности. Вот поэтому создаются и поддерживаются *этностереотипы* и *предубеждения*, которые из-за своей природы – схематичность и обобщительность – сохраняют актуальное значение и сегодня.⁸ Так например в традиционных балканских культурах широкую популярность приобрели стереотипы о турках, греках и цыганах; также мусулмане-суниты распространяют предубеждения на религиозной основе о мусулманах-алевитах (кызылбашы). Поговорки, напоминающие „полезные советы” (survival guide) для давнишних торговцев и путешественников, тоже экспонируют стереотипические представления об этносах на Балканах:

Срв. „У чифутина пей вино, не спи; у ерменец пей, не яж; у турчин пей кахве и чюбук, вино не пей; у арнаутина пей и яж, на път с него не ходи; а у грък ничто не прави.” / У еврея вина не пей, не спи; у армянина пей, не еж/кушай; у турка пей кофе и чубук; и арнаута пей и еж, но на дорогу с ним не ходи; а у грека ничего не делай.»⁹

Механизмы стереотипизации Другости воспроизводятся и сегодня, некоторые из них присутствуют традиционно в мышлении и в поведении многих современных людей. А в процессах человеческой мобильности и межкультуральной коммуникации повышенные контакты и взаимодействия создают и восприятие об иностранце-мигранте не только как чужой, но и как угроза для собственной безопасности (мигрантофобия).¹⁰

И так, архаическая и традиционная культуры создают системы ритуалов, обрядов, верований и представлений с целью защиты и безопасности индивида и общности, сохранения их целостности, устойчивости, взаимосвязанности, что бы обеспечить жизненность коллективных ценностей и самой общности. Но приоритеты современного мира и принципы культурного релятивизма и мультикультурализма требуют другой подход к дихотомии Безопасность-Опасность.

И еще другое: Обобщающее современное понимание утверждает, что безопасное то общество, чьи члены сознательно соблюдают общепринятые законы и нормы поведения, а их нарушение ограничивается и минимализируется. В этом смысле традиционные и традиционалистские общества, подчинённые коллективным обычайном правом, в более высокой степени предсказуемые чем современные индивидуалистские общества. (Флиер А. Я.). Не обозначает ли это, что традиционные общества более безопасные для индивида? В действительности, в них индивидуальное вполне

⁸ Белова 2006

⁹ Геров 1975-1978

¹⁰ Noble 2005; Муртузалиев 2010

подчиняется коллективным ценностям, которые задают определенную поведенческую парадигму, обязательной для индивида. Несоблюдение этих норм выбросит его в лиминальный статус, который равнозначен не-приютности, отброшенности, приближения к миру зла и опасности. В традиционной культуре безопасность для индивида скорее – коллективная безопасность, а её нарушение – угроза для общности и для индивида, связанного с ней.

Б. Фольклорная культура и политики культурной безопасности

Процессы глобализации увеличивают значение идентичности как сознание человека о принадлежности к данной общности, которое позволяет ему определить своё место в социо-культурном пространстве через самопредставление и которое помогает ему ориентироваться в окружающем мире.¹¹ Идентичность имеет социальную природу и поддерживает ощущение индивида и общности о целостности, единстве, соответствии с самым собой и с средой, о континуитете/приемственности в ситуациях перемен. Иными словами, идентичность обеспечивает чувства безопасности и баланса/гармонии в отношениях человека с другими людьми и с природой. Согласно мнению Я. Асмана „коллективная идентичность” – это сознание социальной принадлежностью, которое основывается на общем знании и на общую память.¹² Известно, что категории „память” и „знание” находятся в прямой связи с проявлениями традиционной фольклорной культурой – она сохраняет и переносит познание об общности и об её ценностях. Не зря в исследовании о современных европейских взглядах на фольклор он связывается с понятиями как: традиция, история, идентификационные процессы.¹³ В этом контексте могли бы подчеркнуть значение фольклорной культуры как важный фактор в конструировании коллективных идентичностей с целью постижения культурной/духовной безопасности не только для отдельных общностей (меньшинств, этнических, региональных), но и для целого человечества. Надо уточнить, что „духовная безопасность» представляется взаимосвязь между устойчивым развитием общества и уровнем защищенности ценностей его образа жизни.”¹⁴

В эпохе постмодерна происходят трансформации традиционного фольклора – наблюдаются процессы частичной маргинализации под воздействием масс-культуры. На беспокойства, что фольклор в опасности под экспанзией глобализации, могли бы припомнить коммуникативную природу культуры, в которой проистекают постоянные процессы взаимодействия и обмена с другими культурами и вместе с тем – процессы самосохранения самобытности и уникальности. Иными словами: „антиномии

¹¹ Проблематика „Фольклористика и глобализация” является основной для 14 конгресса Международного общества по исследованию фольклорных нарративов (International Society for Folk Narrative Research), проведенный в Тарту, Эстония в 2005 году

¹² Асман 2001:139

¹³ Сантова 2005:35

¹⁴ Флиер 1998

культурной безопасности» дают возможность рассматривать каждую культуру (и фольклорную тоже!) как результат двунаправленных процессов: обмена („открытость“) и сохранения своих идентификационных маркеров („замкнутость“).¹⁵

К политикам культурной безопасности должны отнести и *систему средств для защиты и сохранения ценностей традиционной культуры*.¹⁶ Не смотря на отмечанную антиномию, традиционная фольклорная культура как выражение исконных гуманитарных ценностей, сегодня более всего требует сохранения и защиты, а это обозначает и потребность институциональной регламентации этой защиты. В Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия (ЮНЕСКО, 2003) указывается: «Охрана» обозначает принятие мер с целью обеспечения жизнеспособности нематериального культурного наследия, включая его идентификацию, документирование, исследование, сохранение, защиту, популяризацию, повышение его роли, его передачу, главным образом с помощью формального и неформального образования, а также возрождение различных аспектов такого наследия.»¹⁷ Как результат создаются национальные системы, названные «Живые человеческие сокровища». «Это люди, которым присущие нужные познания и умения на самом высоком уровне интерпретировать или – создавать специфические элементы нематериального культурного наследия как свидетельство о живых культурных традициях и о творческом гении...» соответствующего народа.¹⁸ Отметим, что фольклор наполняется смыслом как „наследство“ (patrimonium) – связь между современниками и своими создателями и культурная конструкция, узаконенная через сохранение и через защиту.¹⁹

Особое место в политиках культурной безопасности занимает проблема о *традиционных культурах этнических меньшинств*, выражающие культурное многообразие и богатство человечества. В специальном докладе „*Investing in Cultural Diversity and Intercultural Dialogue*“ UNESCO (2009 г.) отмечается: «Во все более усложняющихся многокультурных обществах образование должно дать нам возможность приобретать навыки межкультурного общения, которые позволят нам уживаться благодаря, а не вопреки, нашим культурным различиям.»²⁰ Именно традиционная культура этнических меньшинств является эффективным способом прикосновения к культуре Другого, её знакомства и её понимания. А это обозначает и возможность для преодоления стереотипов, предубеждений и потенциальных конфликтов, возможность «научиться жить вместе».

К политикам культурной безопасности (для фольклорной культуры) надо подчеркнуть и богатый *потенциал международных фольклорных фестивалей*. Они создают для публики неповторимую возможность познакомиться с подлинными фольклорными явлениями (песни, танцы, обычаи, одежда), а для участников – формирования более ясного понимания

¹⁵ Ширяев 2009

¹⁶ Feltault 2006

¹⁷ <http://www.unesco-bg.org/culture/bul-ich/>

¹⁸ Живи човешки съкровища 2004

¹⁹ Chastel 1986

²⁰ http://portal.unesco.org/culture/en/ev.phpURL_ID=39891&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=20.1.html

фольклорной ценности. Эти международные форумы являются мощным средством превращения традиционного фольклора в транснациональный и трансконтинентальный культурный продукт. Так „мигрант-фольклор” (Л. Стоянова) оказывается своеобразным культурным медиатором и посланником общечеловеческих ценностей, важным средством познания Другости в процессах интеркультурной коммуникации.

И так, в начале 21 века мы современники интересного феномена, о котором говорят: „фольклорная традиция исчезает, но фольклор остаётся.”²¹ Расширяющийся взгляд на фольклор, относящий к ним неофициальные, неинституциональные формы культуры, утверждает представление о жизненной сущности фольклорных ценностей, передаваемые и сохраняемые традиционным и современным фольклором. Это обозначает:

- ✚ Високая индивидуальная и институциональная ответственность о сохранении и передаче следующим поколениям человеческого богатства по имени „фольклор”;
- ✚ Усиление значения фольклористики и её сродных наук (этнология и культурная антропология) на постижение более полного и углублённого познания Другости.²²

Таким способом сохранение/охрана традиционного фольклора может содействовать переодолеванию реальных и символических границ, более полноценного и эффективного общения между различными культурами и понижения конфликтности. А всё это довело бы до формирования предпосылок для более понимаемого, более предсказуемого, более безопасного мира.

Литература:

1. *Асман 2001*: Ян Асман. Културната памет. Писменост, памет и политическа идентичност в ранните високоразвити култури. София. Изд. „Планета 3”
2. *Безопасность 2004*: Безопасность жизнедеятельности. Учебно-методическое пособие для учреждений профессионального образования по разделу „Современный комплекс проблем безопасности”. Москва. Издательство «Русский журнал»
3. *Белова 2006*: Ольга В. Белова. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян. (этнолингвистическое исследование). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва
4. *Геров 1975-1978*: Найден Геров. Речник на българския език. Фототипно издание. София
5. *Дъглас 2005*: Мери Дъглас. Чистота и опасност. Анализ на понятията за омърсяване и табу. ЛИК, София

²¹ Живков 1981:321

²² Siikala 2005

6. Живи човешки съкровища 2004: Живи човешки съкровища – България. Колективна монография. София: Академично издателство „Марин Дринов“ /Living Human Treasures - Bulgaria. Academic Publishing House, „Marin Drinov.“ Sofia
7. Живков 1981: Т. Ив. Живков Фолклор и съвременност. София
8. Козырев 2008: Г. И. Козырев "Враг" и "образ врага" в общественных и политических отношениях. // Социологические исследования, No. 1, January, 31-39
9. Муртузалиев 2010: С. И. Муртузалиев Проблемы идентичности кавказцев и россиян. – Махачкала: «Формат». Изд. 2-е, испр
10. Рыбалкин 2003: Н.Н. Рыбалкин Природа безопасности. // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №5, 36-52
11. Сантова 2005: М. Сантова. Фолклорът днес – европейски превъплъщения на идеята за „фолклор“. // Проблеми на българския фолклор. Т. 10. Фолклор, идентичност, съвременност. София, 23-37
12. Стоянова 2003: Л. Стоянова. Етнокултурното ни наследство и предизвикателствата на глобализма. // Л. Стоянова. Етнопсихология, култура, медия – съзвучия и дисонанси. ВСУ „Черноризец Храбър“. Варна, 173-189
13. Флиер 1998: А. Я. Флиер. Культура как фактор национальной безопасности. // Общественные науки и современность. № 3, 181-187
14. Шендрик 2005: А. И. Шендрик. Глобализация в системе культурологических координат. // Знание. Понимание. Умение. N1, 56-68
15. Ширяев 2009: Вяч. Ширяев. Антиномии культурной безопасности. // Власть. № 10, 98-100
16. Cameron – McCormick 1954: William Bruce Cameron and Thomas C. McCormick Concepts of Security and Insecurity. // The American Journal of Sociology, Vol. 59, No. 6 (May, 1954), 556-564. <http://www.jstor.org/stable/2772598>
17. Cha 2000: Victor D. Cha. Globalization and the Study of International Security. // Journal of Peace Research, Vol. 37, No. 3 (May, 2000), 391-403. <http://www.jstor.org/stable/425352>
18. Chastel 1986: André Chastel. La notion de patrimoine. // Pierre Nora (sous la dir. de). Les lieux de mémoire. La Nation. Paris. Gallimard. 405-450
19. Feltault 2006: Kelly Feltault. Development Folklife: Human Security and Cultural Conservation. // The Journal of American Folklore. Vol. 119, No. 471, Working for and with the Folk: Public Folklore in the Twenty-First Century (Winter, 2006), 90-110. <http://www.jstor.org/stable/4137785>
20. Krause – Williams 1996: Keith Krause and Michael C. Williams. Broadening the Agenda of Security Studies: Politics and Methods. Mershon International Studies Review, Vol. 40, No. 2 (Oct.), 229-254. <http://www.jstor.org/stable/222776>

21. *Kukulka 1982*: J. Kukulka Bezpieczeństwo a współpraca europejska: współzależności interesów // Sprawy Międzynarodowe. N 7, 50
22. *Kukulka 1994*: J. Kukulka Bezpieczeństwo międzynarodowe w Europie Środkowej po "zimnej wojnie". Warszawa: Instytut Stosunków Międzynarodowych UW, 34
23. *McSweeney 1999*: McSweeney Bill. Security, Identity and Interests. // A Sociology of International Relations. Cambridge University Press
24. *Neumann 1992*: Iver B. Neumann, Identity and Security. // Journal of Peace Research, vol. 29, N2, 221-226
25. *Noble 2005*: Greg Noble. The Discomfort of Strangers: Racism, Incivility and Ontological Security in a Relaxed and Comfortable Nation. // Journal of Intercultural Studies Vol. 26, No. 1 (February-/May), 107-120
26. *Pasic 1998*: Amir Pasic. Culture, Identity, and Security: An Overview. PROJECT ON WORLD SECURITY ROCKEFELLER BROTHERS FUND. Rockefeller Brothers Fund, Inc. New York
27. *Siikala 2005*: Anna-Leena Siikala. Folkloristics and Globalization. // FF Network. For the Folklore fellows. June. N28, 2